

ТЕМА 4 Массовые настроения в истории и современность

1. Массовые настроения в историческом развитии

1.1 Европейская история настроений

1.2 Массовые настроения в XX веке

1.3 Массовые настроения в современных условиях

2 Настроения современного «человека массы»

3. Психология массовых настроений

3.1 Общепсихологические подходы

3.2 Психофизиологические трактовки

3.3 Индивидуальное и социальное в природе настроений

3.4 Настроения в теории деятельности

4. Социальная природа настроений

4.1 Попытки упрощенной социологизации

4.2 Генетическая трактовка «социальности»

4.3 Содержательная «социальность» настроений

4.4 «Социальность» как свойство субъекта настроений

Последние десять лет теперь уже прошлого века принесли впечатляющие примеры активности масс, которая проявилась в бурных социальных процессах. Только в 1989 г. в СССР, по официальным данным, состоялось 5 300 митингов разного рода, на которых присутствовало 12 600 000 человек. Только с 1 января по 23 февраля 1990 г. прошло более полутора тысяч митингов, в которых приняло участие 6 400 000 человек. За два дня 24-25 февраля 1990 г. к ним добавилось еще почти полтысячи митингов и более миллиона участников¹.

Причем процессы вовлечения в социально-политические действия значительных масс людей, охваченных определенными настроениями, нарастали. Для тогдашнего советского общества это открытие оказалось связанным с серьезным потрясением. «Неожиданность» результатов такого рода, однако, продолжает вызывать сомнения. Согласно уже приводимому нами известному выражению Г. Гегеля, «дурная сторона» общества — масса недостаточно образованных простых людей — своим беспокойством создает движение, без чего не было бы истории. Роль массовых настроений, под влиянием которых действуют массы таких людей, значительна и в историческом развитии, и в современных условиях.

1. Массовые настроения в историческом развитии

Адекватное рассмотрение роли массовых настроений в историческом развитии обще-

ства возможно только на основе соответствующих источников — прежде всего описаний исторических событий. С одной стороны, это позволяет выявить феномен настроений и его влияние на масштабные социально-политические события в тот или иной период истории. С другой же, не менее существенной стороны, это дает возможность проследить, когда и в какой связи появилось данное понятие в историографии, т. е. !становить предысторию понятия и определить момент, когда оно стало употребляться для объяснения тех или иных ситуаций. При всей взаимосвязанности исторической действительности и ее историографического отражения такое различие реальной истории и ее осмысления в нашем случае не просто необходимо, но и достаточно плодотворно.

Изучение описаний исторических событий, их прочтение с точки зрения исследуемого нами предмета позволяет

прийти к выводу, что понятие «настроения» в социально-политическом контексте встречается при описании динамичных процессов. «Настроения» становятся заметными для исследователей при рассмотрении бурных периодов и эпизодов исторического развития, обычно связанных с серьезными общественно-политическими потрясениями.

Одним из первых обратился к этому понятию еще Аристотель, связывая «настроения лиц, поднимающих восстание», с мятежами, направленными на свержение власти, а также с «политическими смутами» и «междоусобными войнами» (Аристотель, 1911). Однако это наблюдение Аристотеля не получило достаточного развития ни в его собственных трудах, ни в работах мыслителей на протяжении последующего достаточно длительного периода. Долгие годы анализ социально-политических событий осуществлялся в рамках историографической традиции, выдвигавшей на первое место деяния отдельных политических персонажей, руководствовавшихся якобы достаточно осознанными решениями. Каноны «жизнеописаний», созданных античными историками Плутархом, Светонием и др., не предполагали использование в объяснении социально-политической реальности таких достаточно размытых понятий, как «настроения». Тем более они не предполагали изучение массового выражения этих настроений. Таким образом, наблюдение Аристотеля, глубоко исследовавшего проблемы организации общества, можно считать лишь прозорливой догадкой, намного опередившей и современный ему уровень социально-политического анализа, и последующий.

1.1 Европейская история настроений

Определенный всплеск внимания к «настроениям» в массовом контексте обнаруживается спустя большой временной промежуток в работах, посвященных истории Средних веков и эпохи Возрождения. Об этом особом, специфическом феномене пишут исследователи тех времен, начиная вновь употреблять слово «настроение» и близкие к нему понятия, «наиболее адекватно» передающие «напряженный драматизм эпохи Возрождения — времени великих взлетов и великих падений» (Рутенбург, 1973).

В этот период зарождается новая историографическая традиция, новые способы осмысления политики, в рамках которых в единстве действия начинают рассматриваться отдельная личность и народ в целом. «Острые социальные схватки — закономерность, движущая весь исторический процесс, — такова концепция Макиавелли-историка. Это первая в истории европейской мысли книга, сочетающая в себе глубокий анализ человеческой жизни, тонкий психологизм и широкое мировоззрение» (Рутенбург, 1973).

В «Истории Флоренции» Н. Макиавелли писал: «Глубокая и вполне естественная вражда... порожденная стремлением одних властвовать и нежеланием других подчиняться, есть основная причина всех неурядиц, происходивших в государстве». И далее объяснял: «Ибо в этом *различии умонастроений* (курсив мой. — ДО.) находят себе пищу все другие обстоятельства, вызывающие смуты...» (Макиавелли, 1973). К этой мысли он возвращался и в других работах: исторический процесс, смена форм государства происходят под влиянием «непреложных жизненных обстоятельств», под воздействием «непреложного хода вещей», в котором проявляются действия людей, «охваченных определенными настроениями» (Machiavelli, 1877).

Можно с большой долей уверенности предположить, что именно такие феномены, соединяющие людей в едином социально-политическом действии, имел в виду и К. Маркс, делая следующую выписку из сочинений флорентийца: «Народ в совокупности силен, а в отдельности — слаб» («Выписка 15-я...», 1929).

Отделив политику от морали и религии, начав исследовать собственно политические явления и процессы, Н. Макиавелли не миновал феномена массовых настроений. Однако, создав принципиальные основы нового понимания, он не дал специального анализа роли массовых настроений в социальной жизни. Тем не менее традиции, заложенные им, получили в дальнейшем серьезное развитие.

Спустя многие годы, возвращаясь к ним при рассмотрении позднего Средневековья, И. Хейзинга писал: «Без сомнения, тот или иной элемент страсти присущ и современной политике, но, за исключением периодов переворотов и гражданских войн, непосредственные проявления страсти встречают ныне гораздо больше препятствий: сложный механизм общественной жизни сотнями способов удерживает страсть в жестких границах. В XV веке внезапные аффекты вторгаются в политическую жизнь в таких масштабах, что польза и расчет все время отодвигаются в сторону» (Хейзинга, 1988). Повседневная жизнь того времени проявлялась «то в неожиданных взрывах грубой необузданности и звериной жестокости, то в порывах душевной отзывчивости, в переменчивой атмосфере которых протекала жизнь средневекового города». Исследователю очевидно, что «все это — настроения... без каких бы то ни было ограничений и на глазах у всех» (Хейзинга, 1988).

Роль массовых настроений в европейском Средневековье отмечает и А. Я. Гуре-вич, подчеркивая сложность их адекватного анализа для современных исследователей, которые вынуждены опираться прежде всего на письменные тексты, созданные элитой. Не касаясь здесь вопроса о методах исследования массовых настроений, отметим ту роль, которую они, бесспорно, стали играть именно с периода Средневековья. Город как особый способ группирования людей того времени порождал массовые заразительные психические процессы. Под влиянием этих процессов значительные общности людей приходили в сходные психические состояния. Это проявлялось в разнообразных действиях масс. Среди заразительных психических состояний, игравших роль в социально-политической жизни, именно в это время наиболее заметными становятся массовые настроения.

В дальнейшем они оказываются влиятельным фактором жизни европейского общества. Понятие «настроения» в таком контексте начинает использоваться достаточно часто: при описании крестьянских восстаний (Жакерия), бунтов против королевской власти, первых буржуазных революций и т. д. Подчас разные настроения смешиваются между собой (например, политические настроения с религиозными или этническими), однако с течением времени они выделяются в самостоятельный феномен, проявляющийся при специфических процессах.

Так, А. З. Манфред, основываясь на многочисленных первоисточниках, считает динамику таких настроений одним из важных моментов в истории Франции конца XVIII — начала XIX века. Приближение Великой французской революции, в частно

сти, характеризуется тем, что «вся страна была охвачена революционным брожением. ...Выборы в Генеральные штаты и составление наказов проходили в обстановке крайнего общественного возбуждения». Это проявлялось буквально во всем, подчас совершенно неожиданно: «Рост боевых демократических настроений давал о себе знать и в театральной жизни страны» (Манфред, 1983).

«Население Парижа и других городов Франции находилось в непрерывном возбуждении. Газеты, многочисленные брошюры и листовки, выпускавшиеся в те дни, пользовались огромным спросом. У всех пробудился интерес к политике; люди жили нетерпеливым ожиданием перемен. В Париже на площадях и бульварах возникали импровизированные собрания. Никому не ведомые ораторы произносили вдохновенные речи... приносили последние новости... вслух читали газеты. Стоявшие в Париже войска заряжались этим настроением народа». Оказалось достаточным небольшой искры: ею стала пришедшая из Версаля весть, «которая вызвала взрыв негодования... Народ стихийно поднялся на борьбу, улицы и площади стали заполняться толпами... загудел набат... народ захватил несколько десятков тысяч ружей. Вооруженное восстание ширилось и росло...» (Манфред, 1983).

Сыграв огромную роль в победе революции, массовые настроения показали свою динамичность и силу, проявившись и на закате революционных событий, способствуя приходу к власти Наполеона. К этому времени общим стало настроение недовольства, связанное с непрерывными политическими потрясениями, разрушением прежних механизмов экономической жизни, военными неудачами властей, страхом перед якобинским террором. «Порядок, стабильность, прочные устои, гарантирующие от опасности слева и ...справа, считались необходимым условием для возобновления... полнокровной жизни общества...» Такие настроения в первую очередь отличали буржуазию. Однако в значительной мере те же настроения были присущи и созданному революцией классу крестьян-собственников.

Отмечая важность проблемы настроений, А. З. Манфред отмечал: «Конкретно-исторически эта тема остается неизученной, и здесь приходится больше прибегать к догадкам, чем утверждать с определенностью. Все же, не рискуя ошибиться, можно сказать, что крестьяне, желавшие спокойно пользоваться плодами приобретенного, требовали порядка и стабильности. Атмосфера ажиотажа, неустойчивости цен, колебания политики то вправо, то влево была не по нутру крестьянам, противоречила их интересам, их склонности к накоплению, порождала чувство неуверенности в завтрашнем дне и неудовлетворенности сегодняшним. На волне таких настроений и произошел политический переворот» (Манфред, 1973).

Задолго до А. З. Манфреда уже хорошо знакомый нам Г. Лебон писал: «Мы знаем, каково было в момент французской революции состояние умов...: трогательный гуманизм, который, начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной. Это самое настроение, с виду столь безобидное, в действительности столь опасное, вскоре привело к хаосу и крушению общества» (Лебон, 1908).

Исследуя Великую французскую революцию и последовавшие за ней события XIX века, фактор массовых настроений позднее выделяли, используя несколько иные понятия, К. Маркс и Ф. Энгельс. Это привело их к созданию всем известной методологии понимания роли «народных масс» в историческом развитии.

1.2 Массовые настроения в XX веке

Двадцатый век, породив глобальные массовые политические феномены, продемонстрировал возрастающую роль народных масс в историческом развитии. Российским большевикам, и прежде всего В. И. Ленину, удалось не только выявить и использовать фактор массовых настроений в политических процессах, но и дать многочисленные наметки аналитического подхода к данному вопросу. Они давно обобщены в соответствующей литературе².

Охваченные определенными настроениями массы стали достаточно самостоятельной силой в политике. Примеры этого дает, в частности, С. Д. Мстиславский — в то время крупный деятель партии левых эсеров, — касаясь событий Февральской революции: «...В этот момент выступил Керенский... Он был бессилен... перед враждебной толпой, он был не в силах переломить силою слова, силою воли собственной -своей силой настроения массы» (Мстиславский, 1922). Описывая последовавшие за этим события 1917 г., А. М. Горький в цикле публицистических статей в газете «Новая жизнь», объединенных затем под названием «Несвоевременные мысли», для обозначения разгулявшихся в это время массовых настроений использует такие выражения, как «обалдевшая масса», «взрыв зоологических инстинктов», «отвратительные картины безумия», «чертополох ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий» и т.д.

Яркими примерами описания массовых настроений и их роли в октябре 1917 г. полна известная книга Д. Рида, в предисловии к первому изданию которой Н. К. Крупская писала: «Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроения масс — настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции» (Крупская, 1923).

Приведем лишь один пример тогдашнего анализа данного феномена: «В отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый акт власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу» (Рид, 1923).

Количество подобных описаний в различных текстах XX века нарастает столь стремительно, что они едва ли поддаются сколько-нибудь полному анализу и систематизации. Однако это привело к определенному качественному

сдвигу в осмыслении роли феномена массовых настроений. Подведя вынужденную черту под накоплением чисто исторических описаний, попытаемся обобщить имеющуюся феноменологию.

К обобщению опыта

В контексте нашего анализа принципиальное значение имеют два момента. Первый связан с пониманием субъективных аспектов истории социально-политической жизни. Второй — с акцентированием роли масс как реального субъекта исторического развития. Простое феноменологическое рассмотрение приводит к констатации того, что история есть прежде всего человеческая деятельность с определенными результатами. Выражаясь в тех или иных социальных и политических институтах, эта деятельность наполняет собой социально-политические процессы. Одна из полезных в данном случае трактовок исходит из известного положения: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» (Маркс, Энгельс, 1951-1984).

Если согласиться с данными авторами, то следует исходить из понимания политики как специфической деятельности людей: «История не делает ничего, она "не обладает *никаким* необъятным богатством", она "не сражается ни в каких битвах"! Не "история", а именно человек, действительно живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. "История" не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком для достижения *своих* целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс, 1951-1984). Ясно, что и политика — тоже.

Деятельность немислима без субъекта, субъект же не может действовать без мотивационных факторов. Тот же марксизм совсем не простыми путями шел к подобному восприятию исторической феноменологии данного типа. Первоначально его основоположники, вычленив наиболее существенные факторы, предостерегали от опасности потерять из виду все остальные: «Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто бы единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Эко- комическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно ее форму, различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв *в мозгу участников* (курсив мой. —Д. О.), политические, юридические, философские идеи, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» (Маркс, Энгельс, 1951-1984).

Как бы предвидя будущую абсолютизацию противопоставления объективного и субъективного, Ф. Энгельс указал на это «и даже...». Сегодня мы понимаем, что догматические трактовки марксизма противопоставляли ранние труды его создателей, касающиеся философской проблематики человека, поздним, в основном социально-экономическим работам. Опираясь исключительно на последние, было легче строить «социалистическое государство», игнорируя сознание, психику, настроения людей. Искжая реальность, они тем самым дегуманизировали историю и политику, лишая их человеческого, субъективного измерения. Отметим, однако, что первые последователи марксизма, в частности Г. В. Плеханов, выделяли данные моменты: «Нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы... и за которым не следовало бы известное состояние сознания» (Плеханов, 1956). Недооценка этого наблюдалась позднее.

Как уже говорилось, во многих работах в рамках данного методологического подхода дан вполне реалистический анализ феноменологии — различных сторон деятельности значительных масс людей, побуждаемых определенными настроениями. Признание того, что именно массы людей являются главным субъектом развития, всегда было краеугольным камнем для этого направления. Так, в частности, связывая реальную политику с действиями масс и противопоставляя это элитаристскому подходу, В. И. Ленин подчеркивал: «...политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика» (Ленин, 1967-1984).

Признание сферы материального производства в качестве определяющей все остальные формы жизнедеятельности людей характеризует массы не только как главную производительную силу общества, как создателя материальных ценностей, но и как активную силу политических процессов, как решающий фактор исторического развития. В истории, согласно данной точке зрения, действует объективный закон возрастания роли масс, согласно которому «вместе с основательностью исторического действия будет... расти и объем массы, делом которой оно является» (Маркс, Энгельс, 1951-1984). Особенно выделялась мысль о том, что «увеличение глубины захвата исторического действия связано с увеличением численности исторически действенной массы» (Ленин, 1967-1984).

Разумеется, с этим можно спорить, стоя на других методологических позициях. Однако согласимся с тем, что данные положения были реализованы с практической точки зрения. Они позволили подготовить и осуществить государственный, политический и социальный переворот 1917 г. Как известно, одним из упреков победителей по поводу принципиальных недостатков иных, «предшествовавших марксизму» теорий общественного развития было то, что все они «не охватывали как раз действия масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с ее-тественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (Ленин, 1967-1984).

Здесь также можно спорить. Однако данная точка зрения, при условии ее демистификации и деабсолютизации, все-таки имеет право на существование — хотя бы как отражающая одну из сторон сложного феномена социально-политической жизни.

Сказанное касается и отражения условий жизни в психологии масс. Тем самым становится понятно, что историко-материалистические позиции дают определенные возможности для достаточно адекватного анализа влияния субъективных состояний, охватывающих значительные массы людей, на ход исторического развития вообще и политической жизни в частности. Как указывали все те же основоположники марксизма, при исследовании «движущих сил» истории «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей...» (Маркс, Энгельс, 1951-1984).

Эти положения можно считать достаточно продуктивными для понимания роли феномена массовых настроений в истории, а также для осмысления их роли и значения в современных условиях.

1.3 Массовые настроения в современных условиях

Динамика политических процессов в XX веке, сопровождаясь все большим вовлечением широких масс в политику, подтвердила в общем виде основные подходы, выработанные на основании обобщения хода предшествующего развития. Однако современные условия ставят новые вопросы, ответы на которые не вытекают из трудов классиков. Дело заключается в том, что в сегодняшнем мире налицо не просто количественное нарастание и умножение роли масс, а значительные качественные изменения масс как субъекта социально-политических процессов. Как тонко заметил Х. Ортега-и-Гассет, «...то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного "общего типа"» (Ортега-и-Гассет, 1989).

Если раньше усиление роли масс трактовалось как количественное нарастание влияния организованных, объединенных социально-политическими требованиями сознательных представителей социально-классовых групп, то сегодняшняя ситуация далеко не соответствует такой трактовке. Эволюция капиталистического общества, особенно очевидная в 30-е, а затем 50-е гг. XX века, привела не к ужесточению, а напротив, к смягчению социальных водоразделов. В результате этого не мог не замедлиться рост социально-политического сознания масс. На первые места стали выходить иные признаки, по которым происходило формирование масс неклассического типа.

Принято считать, что К. Маркс открыл особый феномен «массовизации» всех сфер общественной жизни, возникающий в связи с развертыванием промышленной революции и появлением массового промышленного производства. Действительно, новый тип производственных отношений порождал особый тип субъекта общественной жизни. «Усреднение» условий труда и жизни, потребностей и возможностей их осуществления превращало в достаточно однородную массу тех людей, которые становились участниками такого производства. Говоря о создании «новой производительной силы», Маркс подчеркивал, что она «по самой своей сущности есть массовая сила» (Маркс, Энгельс, 1951-1984).

Как справедливо отмечал Б. А. Грушин, этим было показано, что «сходной предпосылкой и одновременно основной базой массовизации, начинающейся со становлением промышленного капитализма, служит определенный уровень развития производительных сил, а именно промышленная революция, возникновение принципиально новых средств труда — машин; что крупное капиталистическое производство представляет собой типичный случай собственно массового производства, наконец, что, зарождаясь в сфере экономики, указанные процессы постепенно распространяются на все остальные сферы жизни общества — политику, культуру и т. д.» (Грушин, 1987).

2 Настроения современного «человека массы»

К сходным выводам приходили и другие авторы. Так, Х. Ортега-и-Гассет писал: «Цивилизация XIX века автоматически создала тип человека массы» (Ортега-и-Гассет, 1989). Однако дальше развитие процессов массовизации трактовалось почти всеми лишь как прямое отражение сознанием общих жизненных проблем, из чего должны были вырастать общие интересы и устремления. Так бы и произошло, если бы процессы массовизации ограничились лишь производственной сферой. Однако как раз там, под влиянием научно-технической революции, они с течением времени стали ослабевать: возрастание роли творческого труда в современном производстве, появление гибких технологических линий, компьютеризация и т. д. — все эти факторы постепенно разрушали ту неизбежную усредненность рабочего, которую порождал первоначальный капитализм. Научно-техническая революция способствовала новому, неклассовому расслоению трудящихся, а затем и появлению значительных маргинальных слоев, лишенных стабильного места в общественном производстве и живущих на пособие по безработице. Заметной стала не просто дифференциация участников производства как результат разделения труда, но и индивидуализация этого труда. Тот тип сознания, который должен был бы расти под влиянием производственного объединения людей, стал, напротив, уменьшать свое влияние.

И наоборот, те сферы жизни, которые трактовались как вторичные и «надстроечные», стали приобретать все большее влияние. Оттолкнувшись от машинной техники и технологии, массовизация стала захватывать сферы нематериального производства, общественной жизни, духовного потребления, досуга, быта, политики. Стали развиваться новые факторы, влияющие на сознание и психику масс, формирующие принципиально другие, не социально-классовые типы психологии людей, основанные на доминировании неосознанных представлений, а совсем иных моментов¹

В частности, важнейшими составными частями и одновременно катализаторами, усиливающими названные процессы, стали специфические формы массовой культуры, стандарты духовной жизни, связанные с возникновением и

функционированием в обществе различных видов массовой информации. Многие исследователи указывали на роль телевидения¹. Напомним в этой связи о пророческих прогнозах М. Мак-люэна. Он предсказывал наступление такого времени, когда «мы сможем запрограммировать на двадцать часов больше телевизионных передач для Южной Африки на следующей неделе, чтобы снизить температуру настроений племен, которая поднялась из-за радиопередач на предыдущей неделе. Целые культуры могли бы программироваться так, чтобы их эмоциональный климат постоянно оставался стабильным» (McLuhan, 1964).

Вспомним и о работах Г. Маркузе (Marcuse, 1964). Из них однозначно следовало, что массовое потребление телевизионной, а не письменной информации (в первом случае глаз воспринимает хаотический набор светящихся на экране точек, тогда как во втором — упорядоченную линию знаков) приводит к формированию нового типа массового сознания. Возникает не осмысливаемое воспринимаемое, а импульсивно реагирующая на него психика. Следствием этого являются процессы, происходящие на досознательном, во многом неосознанном уровне. Такая психика и порождает хаотичное поведение. Именно ею и обладают, по Маркузе, участники массовых беспорядков, «нерегулярного» политического поведения. Многочисленные наблюдения и исследования массовых всплесков радикализма, политического терроризма, иных видов «неупорядоченного поведения» значительных общностей людей свидетельствуют о том, что в современных условиях проявляется усиление прямого влияния названных факторов на поведение людей.

Общие выводы большинства исследователей процессов массовизации жизни современного общества включают в качестве наиболее значимых следующие изменения массовой психологии. Во-первых, массовое промышленное производство на основе достижений научно-технической революции породило особый динамизм жизни, выразившийся, среди прочего, в стремительном росте потребностей людей. Едва ли возможно во всей предыдущей истории обнаружить ситуации, когда потребности и притязания каждого нового поколения столь разительно отличались бы от предыдущего. Это проявляется как в материальной, так и в духовной, социальной и политической сферах. Массовые молодежные волнения, охватившие западный мир в конце 60-х годов XX века, показали: созрели новые потребности. После этого многочисленные молодежные движения протеста, принося все новые проявления «контркультуры», лишь подтверждали данный вывод.

Во-вторых, возросли не только потребности, но и возможности их удовлетворения. Динамизм жизни, углубление интеграционных процессов, реальная транспортная и информационная нивелировка расстояний породили не только новые требования, но и ощущение легкости их достижения. Современный мир не только располагает значительными богатствами, порождая все новые потребности. Одновременно жизнь как бы внушает людям определенную уверенность в том, что завтра мир будет еще богаче, а удовлетворение потребностей — еще реальнее. «То, что раньше считалось бы особой милостью судьбы и вызывало умиленную благодарность, теперь рассматривается как законное благо, за которое не благодарят, которое требуют... Поэтому отметим две основные черты в психологической диаграмме человека массы: безудержный рост жизненных вожелений, а тем самым личности, и принципиальную неблагодарность ко всему, что позволило так хорошо жить» (Ортега-и-Гассет, 1989).

В-третьих, выросла массовая готовность к активным действиям. Подчеркнем провоцирующее влияние средств массовой коммуникации, рекламы, политической агитации, пропаганды и даже моды, ставящих целью прямую стимуляцию непосредственной поведенческой активности людей. Воздействуя на массу, эти средства не просто пробуждают те или иные потребности и демонстрируют способы их достижения. Они стремятся вызвать непосредственную массовую реакцию в виде конкретных действий и акций.

Наконец, в-четвертых, в качестве следствия названных изменений, возникает главное: определяющими в поведении масс все больше становятся не устоявшиеся, осознанные позиции, а быстро увлекающие настроенческие факторы, проистекающие из изменений условий производства и жизни, характера потребностей и возможностей их удовлетворения, а также общего нарастающего динамизма жизни.

3. Психология массовых настроений

В отличие от других общественных наук, где массовые настроения пока еще лишь вводятся как самостоятельное понятие, в психологии накоплен достаточно большой массив данных и исследовательских подходов. Есть определенная предыстория рассмотрения «настроений» без учета их массового звучания; есть традиции общепсихологических трактовок индивидуальных настроений; наконец, есть и социально-психологические направления изучения преимущественно «общественных» настроений. Анализ всего этого наследия необходим для понимания массовых настроений.

Настроения представляют собой именно то явление, которое здравый смысл традиционно относил к сфере изучения психологической науки, — это и есть те сокровенные внутренние переживания, которые являют собой психологию того или иного человека или группы людей. С точки зрения обыденного сознания, психология имеет дело прежде всего с настроениями — с чем-то трудно уловимым, подчас таинственным и интригующе интересным. Однако, с другой стороны, «таинственность» и труд-ноуловимость настроений¹, невозможность их изучения в лабораторных условиях, их субъективность и невозпроизводимость привели к тому, что в современной психологической науке отсутствует общепринятая теория настроений.

В англоязычной литературе, например, о настроениях вообще предпочитают судить по ряду связанных с ними, но более операциональных понятий. В отечественной науке есть еще одна существенная причина: длительное доминирование тоталитарной социально-политической системы в стране, по сути, ликвидировало «социальный заказ» на разработку данной проблематики. Тоталитаризм и застой не нуждались в анализе и учете настроений. Интерес к ним упал к концу 20-х годов XX века, на короткое время возродился в 60-е гг. и лишь ныне поднимается на

определенный уровень, что связано с очевидным «заказом» общества на разработку данной проблематики. Отдельные наблюдения, догадки, находки исследователей представляют во многом разрозненную мозаику, фрагменты которой с трудом складываются в законченную картину.

3.1 Общепсихологические подходы

Общей чертой психологических работ, посвященных проблеме настроений, является прежде всего акцентирование важности данного понятия и обозначаемого им психологического явления. Многие исследователи в свое время отмечали актуальность анализа настроений для решения значительного круга как сугубо психологических, так и социально-практических вопросов. Так, совершенно очевидно, что с психологической точки зрения «понимание общественной связи во всей ее полноте немыслимо без изучения законов, по которым совершаются колебания общественных и массовых настроений, смены и столкновения общественных чувств» (Войтоловский, 1924). Справедливо, видимо, и то, что «будем ли мы иметь перед собой случайно собравшуюся толпу на улице... или митинг, везде и всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений» (Бехтерев, 1911).

Однако большинство исследователей этой проблемы, если взять их в исторической ретроспективе, не очень далеко (во всяком случае, методологически) ушло от той традиции описательности, которая была введена в прошлом веке В. Вундтом в качестве метода изучения подобных психологических явлений. Будучи одним из основателей так называемой «школы психологии народов»¹, Вундт призывал психологов ограничить себя простыми описаниями тех или иных психических проявлений, свойственных большим массам людей, прежде всего народам. К числу таких психологических явлений Вундт и его последователи относили и настроения. Однако продуктивность этих описаний вызвала справедливые сомнения: слишком далеким и непреодолимым оказалось расстояние от простого описания до понимания реальных причин и механизмов развития тех или иных настроений. Постулаты Вундта о наличии у каждой нации и народа своей «души», связанной с «мировым духом» и определяющей настроения данной группы людей, не отвечали критериям научности, поскольку, не объясняя природы настроений, делали ненужным сам поиск таких объяснений.

При подобном подходе в психологическом изучении настроений доминировали описательные методы, единичные же попытки как-то объективировать данное явление или хотя бы представить его более операционально, в объективно-научных понятиях, сводились, как правило, к психофизиологическим трактовкам, когда настроения человека связывались с особенностями его физиологии. •

3.2 Психофизиологические трактовки

В свое время предлагалось такое, например, понимание «настроения»: это «среднее состояние... однородных чувственных тонов ощущений и представлений, существующих в пределах известной единицы времени» (Циген, 1909). Анализ, проводимый с физиологических позиций, приводил к выводу о том, что «...наше настроение не составляет какого-то независимого, самостоятельного психического процесса, но является абстракцией от однородных чувственных тонов представлений и ощущений, существующих в определенный промежуток времени» (Циген, 1909). В русле данной традиции было вполне достаточно, например, выделять «спокойное», «приятное» и «неприятное» настроения (Осипова, 1914).

Плодотворность исследований, пытавшихся решить психологическую проблему настроений в рамках «научно-психофизиологического направления», также была не слишком велика: сложность (подчас искусственная) и наукообразность определений, подобных приведенным выше, уводили исследователей в сторону изучения физиологических «микрофакторов», затемняя и без того сложную психологическую суть человеческих настроений.

Еще более физикалистские варианты этой линии исследований совсем упрощали дело: «Под настроением мы разумеем совокупность чувств, присутствующих в каждый момент в нашем сознании. С психофизиологической точки зрения это будет душевное самочувствие, зависящее от питательных перемен в корковом веществе головного мозга и выражающееся или в замедленном, или в ускоренном ходе представлений. Вот почему прямо можно сказать, что настроение есть выражение коркового самочувствия» (Викторов, 1887).

Упомянем в данном контексте и А. Л. Чижевского, который писал в начале века о «психических эпидемиях» и о настроениях как об «особом нервно-психическом возбуждении», определяющем «характер массовых движений». Как известно, он связывал целый ряд исторических событий, отмеченных бурными проявлениями массовой психологии, включая настроения, с динамикой солнечных пятен и периодами повышенной солнечной активности¹. По его мнению, «жизнь людей в массах в периоды солнечной активности — вот что должно волновать политика» (Чижевский, 1924).

Ныне обе обозначенные выше точки зрения еще продолжают встречаться. С одной стороны, научные разговоры на эту тему ведутся на уровне простых описаний и абстрактных общетеоретических рассуждений о «настроениях» того или иного общества, народа, класса, слоя, общности. С другой же стороны, эти разговоры продолжают, по существу, сводиться к психофизиологии, к восприятию и к физиологическим основам этого процесса. Это прежде всего указывает на недостаточную концептуальную разработанность проблемы настроений в психологической науке.

Пытаясь создать хоть какой-то концептуальный каркас, некоторые исследователи объединяли существовавшие взгляды на природу настроений, считая их многообразие отражением изучения разных сторон и аспектов проблемы (например, физиологического, психофизиологического, социально-психологического ее ракурсов). Однако ныне становится все более очевидным, что простое соединение разных взглядов в виде системы уровней понимания (и, разумеется, существования) настроений (первый — связанный с психофизиологической детерминацией, второй — с социально-психологической и третий — с собственно социальной), при всей своей кажущейся естественности и привлекательности, уже не вполне удовлетворяет. Подобный методологический ход допустим в тех случаях, когда мы имеем дело с

явлениями, для понимания которых пока недостаточно наличных знаний. Однако проходит время, и с увеличением знаний об объекте данный методологический прием должен отойти на задний план при условии выработки более целостного понимания.

Подобная эволюция произошла с проблемой настроений. Накопленных знаний уже достаточно для того, чтобы отказаться от простого декларирования наличия разных уровней и подходов и попытаться (разумеется, не игнорируя данные физиологов и представителей других отраслей знания) сосредоточиться на собственно психологических факторах настроений. Представляется логичным вначале рассмотреть понятие «настроение» в общепсихологическом контексте, затем уточнить смысл понятия «общественные настроения» и разобрать социально-психологическую концепцию настроений.

3.3 Индивидуальное и социальное в природе настроений

Социально-психологический анализ настроений невозможен без учета общепсихологических закономерностей их появления и развития. Отрыв социально-психологического анализа от анализа общепсихологического методологически чреват опасностью утраты конкретного субъекта, «носителя» настроений — живого человека. Настроения группы или другой социальной общности существуют лишь в преломлении через настроения людей, образующих эти общности. Отрицание данного положения привело бы к признанию существования надчеловеческих, абстрактно-социальных настроений, или, говоря словами Г. Гегеля, некоего «абсолютного духа». В неявном виде эта посылка предполагалась в исследованиях школы «психологии народов». Согласно материалистическому пониманию природы человеческой психики и теории отражения, настроения людей, проявляющиеся в том числе и в социально-политической жизни, определяются механизмами отражения социально-политических явлений, а эти механизмы полнее всего раскрываются при общепсихологическом анализе природы принципиально любых, но прежде всего индивидуальных настроений.

Известные трактовки настроений в общей психологии неоднозначны и различаются в весьма широких пределах — вплоть до полной несовместимости основных постулатов. Так, иногда настроение в общей психологии трактуется как «умонастроение» — полностью или по большей части осознанное состояние человеческой психики; «состояние интеллектуальной деятельности человека»; «особый вид настроений», устойчивый, отражающий «определенную направленность чувств»; «единство эмоционального и рационального в человеке»; «чувства вокруг идей» (Парыгин, 1966). С другой стороны, те же настроения подчас связываются с поведением «толпы, движимой бессознательными настроениями. Они проявляются в панике, мятеже, увлечениях, моде и сумасшествиях» (Foote, Hart, 1963.).

Взаимоисключаемость приведенных трактовок очевидна: если в первой (внутренне также неоднородной) настроению являются по преимуществу «фактом сознания», то во второй они полностью бессознательны, иррациональны. Таких примеров можно было бы привести немало, однако дело не в их количестве. При всем внешнем многообразии взглядов на природу настроений все они укладываются в конечное число измерений — тех факторов, которые, видимо, и являются наиболее существенными для понимания психологической сущности настроений. Так, в частности, понятно, что приведенные выше примеры — полюса одного и того же измерения «осознанное—неосознанное» в рассмотрении природы настроений. Действительно, настроения бывают различными по степени осознанности, и это — фундаментальное измерение, характеризующее их психологическую сущность. Таких измерений немало. Необходимость их вычленения связана с тем, что всякое конкретное настроение — точка в многомерном пространстве, которая задается целым рядом характеристик: как степенью осознанности, так и другими параметрами.

Среди них следует выделить такие используемые в общей психологии измерения, как «эмоциональное—рациональное», и отчасти связанное с ним измерение «внутреннее—внешнее» (состояния) или «личностное—предметное». Так, с одной стороны, настроение — это «целостная форма жизнеощущений человека», общий строй («тон»), состояние его переживаний, «расположение духа». Именно в нем «находит свое глубочайшее выражение и осуществление личностное жизнеотношение... Выступая как бы общим смысловым контекстом всей душевной жизни и деятельности человека, настроение интимно проникает и определяет все отдельные частные переживания и поступки личности» («Философский энциклопедический словарь», 1983). Приведенное высказывание хорошо выражает квинтэссенцию эмоционально-внутреннего, индивидуально-личностного понимания настроения.

С другой стороны, еще В. Даль отказывал понятию «настроение» в праве на самостоятельное существование. Приводя в своем словаре это слово, он отсылал читателя к другим: «настроение, настрой, настроить и пр. см. настраивать». Последнее же слово трактовалось как сугубо внешний процесс, как приходящее извне состояние психики человека.

Еще одно четко вычленяемое измерение в общепсихологическом анализе настроений — «импульсивное — устойчивое» (иногда с ним связывается характеристика «долговременное — кратковременное», но это особое измерение). С одной стороны, принято считать, что «... настроение является сложным, многогранным и исключительно импульсивным эмоциональным состоянием личности. Групповое, коллективное и массовое настроение, сохраняя эти черты настроения личности, обладает и некоторыми дополнительными характеристиками — заразительностью, еще большей импульсивной силой, массовидностью и динамичностью» (Парыгин, 1965).

Другие исследователи, однако, приводят немало примеров значительно более длительных и не слишком «импульсивных» настроений¹. Отметим, правда, что они делают упор прежде всего на сугубо «общественные» настроения, лежащие в основе существования устойчивых социальных общностей. Ясно, что последние не могут быть столь же импульсивны, как внутренние состояния личности. Далее мы остановимся на них подробнее, сейчас же лишь отметим это достаточно важное измерение в анализе настроений.

Таким образом, проблема настроений рассматривается в общей психологии по следующим основным

характеристикам, отражающим особенности данного психического состояния: *я* осознанное — неосознанное; и рациональное — эмоциональное; и внешнее — внутреннее; *я* предметное — личностное;

- долговременное — кратковременное;
- устойчивое — импульсивное;
- организованное — неорганизованное.

Приведенные полярные характеристики, в принципе, сводятся к одной паре характеристик, включающих все названные в качестве уже более конкретных. Эта характеристика «социальное — индивидуальное». Первое — социальное — всегда значительно более осознанно и более рационально, обычно извне организовано, связано с теми или иными конкретными предметами, по поводу которых существует данное настроение. Естественно, что оно более долговременно и устойчиво. Второе — индивидуальное — всегда значительно более эмоционально, менее осознанно, более кратковременно, неорганизовано, импульсивно. Оно отражает прежде всего внутреннее состояние психики и как бы проецируется на внешний мир и действия человека, проявляясь в оценке человеком ситуаций, в его поведении, отношении и даже в мировоззрении. В отличие от сугубо индивидуального настроения, социальное представляет собой тот фактор, который как бы упорядочивает индивидуальное и внутреннее, подчиняя его реальности внешнего предметного мира.

Акценты либо на индивидуальном, либо на социальном в трактовке настроений можно выявить во многих существующих концепциях. Существенно, что в большинстве этих концепций как бы абсолютизируется одна группа качеств и обычно недооценивается другая. Анализ литературы позволяет заключить, что именно подобные абсолютистские уклоны и создали ту путаницу, которая существует в психологической литературе, посвященной проблеме настроений. Подобная ситуация основана на резком противопоставлении социальных и индивидуальных настроений. Однако правомерно ли столь резкое противопоставление? Все индивидуальные проявления психики, как известно, социальны по происхождению или опосредованы социальной деятельностью человека. Поэтому естественно допустить наличие неких общих механизмов, лежащих в основе и тех и других настроений, а значит, и более тесную взаимосвязь между ними.

Необходимо попытаться найти понятие, раскрывающее эту взаимосвязь. Искать такое понятие следует в социальной психологии, и мы займемся этим в следующем разделе данной главы. Пока же констатируем, что понятие «настроение» в психологии обладает на удивление различительным статусом и как бы делит всю психику и изучающую ее психологию на две части. Более того, оно выявляет отсутствие четкой концептуальной связи между ними.

С одной стороны, так сказать, индивидуально-общепсихологическая часть, представленная анализом внутренних переживаний, и прежде всего эмоциональных, не всегда осознанных состояний. С другой — часть социально-психологическая, представленная анализом противоположных явлений — осознанных, рациональных, более «объективных» в отличие от «субъективных» состояний. В наиболее ярком виде это противопоставление прослеживается при сравнении таких направлений в психологической науке, как психология эмоций и когнитивная психологии. Не занимаясь специально проблемой настроений, эти направления демонстрируют, однако, два принципиально разных способа трактовки этого явления.

Сказанное предопределяет еще одну особенность понятия «настроение». Разделяя явления психики и изучающие их разделы психологической науки, само «настроение» как бы повисает в воздухе, не фигурируя, в силу своей промежуточности, ни в одном из этих разделов. Сторонники эмоциональной трактовки психики не считают настроение «вполне эмоциональным»¹, или же определяют его просто как особую эмоцию — как «более продолжительные, устойчивые эмоции — настроения» (Рейков-ский, 1979). Отметим, что подобная точка зрения никак не нова — еще в начале века настроение понималось как «длительное переживание некоторых не особенно сильных эмоций» (Петражицкий, 1908), однако продуктивность таких взглядов давно была признана сомнительной.

Причины игнорирования «настроений» исследователями сознания аналогичны и также понятны, — промежуточное положение точно так же лишает это явление статуса «рационального»², либо же оно сводится к умонастроениям как сугубо рациональным состояниям сознания. Только при системно-диалектическом способе рассмотрения подобное обособление социального и индивидуального отвергается и как бы «снимается». Однако общая установка не всегда находит отражение в конкретных подходах. По сути, только лишь в концепции социальной предметной деятельности Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии был найден способ диалектического рассмотрения этих явлений.

3.4 Настроения в теории деятельности

Вспомним введенное А. Н. Леонтьевым разведение понятий «смысл» и «значение». Согласно этой концепции, все возможные психические состояния, по сути дела, являются субъективными «смыслами» тех или иных объективных предметных «значений». Простейшие эмоции выступают своего рода «биологическими смысловыми метками», отражающими жизненный смысл чего-то происходящего с биологическим существом. В более сложном выражении, появляются дифференцированные чувства и переживания, отражающие то же самое — субъективный смысл объективных событий. К подобным состояниям психики относятся аффекты, эмоции и, наконец, «настроения — очень важные по своей личностной функции объективные явления». Подчеркнем: настроения оказываются не просто субъективными переживаниями, но объективными явлениями, выполняющими важные личностные функции. Леонтьев (1974) настаивал на том, что такого рода явления могут быть поняты только в связи с мотивационной сферой личности, как опосредующие ее формирование и функционирование.

Настроения занимают переходное положение от эмоциональных явлений к рациональным. Мотивы деятельности

человека задаются средой. По Леонтьеву, это — предметы человеческих потребностей. Переживаясь субъектом, они приводят к появлению смыслов — субъективных побудителей объективной деятельности, вызываемой объективными же условиями. И одним из проявлений этих смыслов выступают настроения субъекта. Из сказанного ясно, что именно данная концепция позволяет преодолеть различия между объективизмом и субъективизмом в понимании настроений, дать им действительно комплексную, объективно-субъективную, эмоционально-рациональную трактовку.

Анализ содержания, которое вкладывается в понятие «настроения» в общей психологии, вскрывает две группы характеристик, с помощью которых описываются те или иные настроения. Как мы увидели, они оказались настолько разнонаправленными, что лучше всего представляются в виде полюсов определенных измерений. Такое представление позволило перейти от противопоставления социальных и индивидуальных настроений к поиску общих механизмов, лежащих в их основе. Концепция социальной предметной деятельности Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева — А. Р. Лурии и идеи «смыслового строения сознания» выявили особую функцию индивидуальных настроений и характер действия их механизмов в случае социальных настроений. В рамках названной концепции настроения способствуют осознанию различных отношений, которые возникают у человека к многообразным жизненным событиям. Они действительно находятся «на стыке» эмоционального и рационального.

А. Н. Леонтьев так описывал обыденную психологию повседневных индивидуальных настроений: «День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный эмоциональный осадок. На фоне забот дня этот осадок едва замечается. Но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает впечатления прожитого дня. И вот в ту минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его *настроение* (курсив мой. — Д. О.) приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно данное событие и оставило у него эмоциональный осадок» (Леонтьев, 1974).

Именно так настроение становится интегратором субъективного и объективного в психике: объективное событие вызывает особое субъективное состояние, называемое настроением. Оно поддается осознанию, хотя это и требует специальной работы — решения «задачи на личностный смысл». Осознаваясь же, оно объективируется и возвращается в объективный мир в виде реальной социальной деятельности людей, охваченных тем или иным настроением¹.

Итак, концептуально настроение может быть обозначено как определенное психическое состояние, интегрирующее влияние объективных событий на субъективное их переживание. От всех других психических состояний его отличает именно интеграция. Это не просто субъективное переживание и не просто знание объективных событий. Это один из высших уровней субъективного осмысливания (как процесса надления субъективными смыслами) чего-то объективного. Говоря несколько метафорически, настроение — это «предсознание», ближайший резерв сознания. Это один из мощнейших регуляторов субъективной психической жизни. Сегодня он регулирует ее, как бы подспудно влияя на деятельность человека. Завтра же, будучи осознанным, оно превратится в «умонастроение» и уже непосредственно станет определять характер деятельности.

Если попытаться выстроить некую условную шкалу психических явлений по степени их осознанности, то можно получить следующую цепочку: ощущение — восприятие — аффекты — эмоции — чувства² — настроения — сознание. Исходя из концепции социальной предметной деятельности, можно принять следующие различия уже внутри эмоциональных состояний (аффекты — эмоции — чувства — настроения): «1. Наши желания... — простые и сложные — как оценки степени соответствия какого-либо объекта нашими потребностям. Назначение этих «оценок» — презентация в психике мотива деятельности. 2. Эмоции, субъективно выявляющие себя в форме радости, огорчения, досады и т. д., как оценки изменения действительности в благоприятную или неблагоприятную сторону, оценки успеха деятельности по реализации мотива. 3. Чувства удовольствия и неудовольствия как оценки качества удовлетворения каких-либо потребностей. 4. Наши настроения... как оценки общего соответствия действительности нашим потребностям и интересам» (Додонов, 1978). Близкое понимание высказывается и другими авторами: настроения «характеризуют психику преимущественно в целом, выражая в особенности эмоционально окрашенное состояние воли... они более диффузны, менее четко определены», чем высшие «социальные чувства». Последние уже относятся к осознаваемым явлениям и «возникают на основе соответствующих им настроений» (Горячева, Макаров, 1979).

Таким образом, помимо пограничной природы настроений, в нашу попытку концептуализации общепсихологических данных добавляются такие их характеристики, как социальная обусловленность (вытекающая из социальной природы потребностей, мотивов и самой деятельности человека) и длительность, определенная устойчивостью их субъективного существования в психике. Даже не будучи осознано, настроение может долго «мучить» человека, влияя на его поведение. Последнее, помимо прочего, также связано с социально-деятельностной природой настроения: ведь деятельность — это не какой-то набор поведенческих актов, каждый из которых способен вызвать определенные настроения. Деятельность — достаточно длительный процесс, в философском понимании — перманентное выражение сущности человека на протяжении всей его жизни. Процесс этот и порождает настроения как сравнительно устойчивые оценки соответствия того, что есть, тому, чего мы хотим. По оценке Б. Ф. Поршнев, настроения возникают тогда, когда «потребности и интересы людей вступают в конфликт с возможностями их удовлетворения» (Поршнев, 1966).

Данный момент является одним из существенных — ведь для того, чтобы понять природу настроений, недостаточно знать их отнесенность к рациональной или эмоциональной сфере психики. Следует понимать причины их возникновения. Поршнев полагал, что настроения порождаются теми или иными противоречиями в жизни людей и выражают особую форму реакций людей на эти противоречия — «это эмоциональное отношение к тем, кто стоит на пути, кто мешает или, напротив, кто помогает воплощению желаемого в жизнь» (Поршнев, 1966). Говоря языком концепции социальной предметной деятельности, настроение является результатом совпадения или несовпадения мотивов и результатов деятельности, направленной на их достижение. Это — субъективный индикатор соотношения того, что «хочется», с тем, что «достигается».

4. Социальная природа настроений

В основе настроений всегда лежат потребности людей, их интересы, мотивы их деятельности. Именно такое понимание наиболее созвучно социально ориентированной методологии — в частности, в социально-политической практике. Вспомним, что еще в 1917 г. В. И. Ленин подчеркивал, говоря о влиянии партии на массы: «Именно мы и только мы «учитываем» и перемену настроения в массах, и нечто еще гораздо более важное и глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс...» (Ленин, 1967-1984).

Таким образом, настроение — это психологическая производная двух фактов: субъективного (потребностей и интересов людей) и объективного (реальных условий жизни, соответствующих или не соответствующих этим потребностям и интересам). Именно в настроениях проявляется диалектика объективного и субъективного факторов, именно в них интегрируются осознаваемые («объективные») и эмоциональные («субъективные») факторы.

Сторонники «индивидуалистической» тенденции в рассмотрении настроений пытались абстрагироваться от объективных факторов в поисках внутренних причин и механизмов развития настроений. Сторонники «социологической» тенденции, напротив, искали и продолжают искать их в объекте, абстрагируясь от психики человека. Естественно, что общая психология отдавала предпочтение первой тенденции, предоставляя возможность второй развиваться в рамках социологической науки. Однако именно в общей психологии, как мы убедились, были разработаны концептуальные основания для понимания интегративно-диалектической природы настроений и определяющих их объективно-субъективных механизмов.

В рамках психологической науки были представлены и радикально иные тенденции в трактовке настроений. Согласно взглядам В. М. Бехтерева, например, чья позиция послужила предтечей «индивидуалистической» тенденции, все социальные общности людей (в частности, коллектив) представляют собой «собирательную личность», а потому закономерности индивидуальной психологии распространяются и на группы людей. «Сочетание социологического и психологического подходов у В. М. Бехтерева проявлялось и в том, что он не отрывал психологию коллектива от психологии личности, пытаясь увидеть связь между ними» (Уледов, 1981).

При «социологической» тенденции вульгарно-марксистского толка отвергались даже слова «психика» и «психология», поскольку их употребление открывало, дескать, путь идеалистическому «учению» о «подсознательной» и даже «бессознательной» психике (Франкфурт, 1928), что рассматривалось как попытки «психологизировать социологию, т. е. протащить идеализм в область изучения общественных явлений» (Рубинштейн, 1956).

Лишь развитие системного мышления в науке позволило снять крайности предыдущих трактовок и определить настроения как особое, междисциплинарное, социологическое и, одновременно, психологическое понятие. Деятельностная трактовка психики, в целом, оказалась вполне адекватной методологической основой для решения данной проблемы. Специфика настроений в том и состоит, что они, прямо или косвенно, являются социальными. Иными они просто не могут быть в силу социальной обусловленности самой психики. Попытки физиологов свести настроение к самочувствию лишь внесли путаницу в их рассмотрение. Адекватная интерпретация этого явления возможна в рамках науки, интегрирующей психологические и социологические представления.

4.1 Попытки упрощенной социологизации

Наиболее проторенный путь рассмотрения настроений в рамках социальной психологии связан с анализом поведения толпы. В первой части книги мы уже убедились: от Г. Лебона и Г. Тарда, З. Фрейда и К. Юнга, Н. К. Михайловского и Х. Ортеги-и-Гас-сета, Л. Фримэна и Н. Фуа, К. Хата и У. Липпмана, как и многих других прослеживается богатейшая традиция изучения психических состояний, определяющих те или иные массовые действия людей. Интересно, что современная западная социальная психология, не предлагая новых подходов к проблеме массовых настроений, активно обращается к все тому же наследию прошлого¹.

Традиционно объектом изучения психологии масс в первую очередь являлись неорганизованные, стихийные виды поведения. Однако среди психологических факторов, лежавших в основе таких действий, практически всегда и почти всеми исследователями выделялись настроения. Последние рассматривались в связи с потребностями, желаниями, эмоциями, неосознаваемыми импульсами, мнениями, убеждениями и другими разнообразными психологическими факторами. К сожалению, массовые настроения не подвергались, за редчайшими исключениями, специальному систематическому анализу. Возможно, причиной этого были сложности с определением именно социально-психологической специфики данного феномена. Здесь мы сталкиваемся с неоднозначностью трактовок понятия «социальные» в приложении к понятию «настроения».

Идя по линии наименьшего сопротивления, очень соблазнительно счесть эпитет «социальные» простой констатацией в общепсихологической концепции обусловленности **настроений социальной предметной деятельностью человека и, исходя из этого, рассматривать любые настроения как социальные.** Однако ясно, что **когда говорят о социальной обусловленности любых настроений, то имеют в виду лишь их опосредованность деятельностью людей, условиями жизни и особенностями переживаний индивидов.** При конкретном социально-психологическом анализе нельзя позволить себе делать слишком большие обобщения, не рискуя при этом утратить специфику, сведя анализ к философско-социологическим или иным способам рассмотрения. Подобное упрощение означало бы повторение уже совершенных и исправленных ошибок: «...Так как в теоретическом плане на основе марксизма-ленинизма было всесторонне обосновано, что все психические явления от ощущения до характера являются социальными по своей сути, то у многих ведущих психологов и философов к середине 30-х годов сложилось убеждение, что особая социальная психология не нужна и ее проблемы могут быть решены на базе общей психологии» («Социальная психология», 1979).

История показала ограниченность как данной упрощенной позиции, так и противоположной, «индивидуалистической» точки зрения. Задача заключается не в попытках подменить индивидуальное социальным или наоборот, а в рассмотрении их диалектики, совместного — друг в друге — существования.

Сразу оговоримся, что для некоторых авторов здесь нет никакой проблемы. Так, по Б. Д. Парыгину, настроением является «эмоциональное состояние как общий на- строй, направленность, ориентация всех проявлений психики индивида или социальной группы» (Парыгин, 1966). Другими словами, настроение оказывается эмоциональным состоянием члена социальной группы, и потому социально. На наш взгляд, определение специфики понятия «социальное настроение» связано прежде всего с тем смыслом, который вкладывают в слово «социальное».

В общем виде известно, что западные исследователи по преимуществу связывают социальную специфику настроений с индивидуальным поведением человека и его влиянием на общество. Как отмечал Н. Макиннес, «трудность психологического подхода к политике заключена в том, что он ведет к индивидуализму.

4.2 Генетическая трактовка «социальности»

Отечественные авторы, напротив, в основном искали специфику «социальности» настроений во влиянии общества на человека. В рамках такой позиции существуют три основных подхода.

При наиболее распространенном понимании «социальность» настроений связывается с их *генезисом*. В таких случаях «социальное» означает более высокий уровень настроений, отличный от тех настроений людей, которые вызываются чисто физическими причинами, и являющийся итогом социализации субъекта, его принадлежности к определенной группе и т. д. При таком понимании социальных настроений индивида упор делается на социальные истоки психики человека, ее опосредованность обществом и общественным бытием.

В предыдущем разделе мы воспользовались таким пониманием для демонстрации диалектической взаимосвязи «индивидуальных» и «социальных» настроений. Однако данная трактовка оправдана лишь в рамках самых общих методологических рассуждений — она, как отмечалось выше, не всегда целесообразна при конкретном анализе.

Настроения как бы отрываются от конкретного индивида, поскольку они свойственны ему лишь как представителю определенной социальной общности, в которой они и формируются, и проявляются. Они существуют скорее в групповом, чем в индивидуальном сознании. При такой трактовке «социальные настроения» являются, например, переходным этапом в становлении и отражении классового сознания в отдельной личности, они есть своеобразное «классовое измерение» психики человека, его «социопсихический эквивалент». С этим не хочется соглашаться.

Подчас при поиске такого эквивалента используется довольно простой прием: введение понятия «общественное настроение». «Последнее есть состояние душевного подъема или упадка; состояние уверенности, бодрости или, напротив, неуверенности, страха, растерянности и т. д.». «Общественное настроение» означает в этом случае «не только собственно настроение, как проявление чувств, а как целую гамму общественно-психологических образований — это и общественное мнение, и социальные установки, и жизненные ориентации и другие общественно-психологические образования» (Уледов, 1981). Общественное настроение в данном понимании теснейшим образом связано с «общественно-психологической атмосферой», которая представляет собой «конкретную форму проявления духовной жизни общества» и «является состоянием общественного сознания» (Уледов, 1981). Она представляет собой обобщенную картину духовной жизни той или иной общности или народа в целом в конкретной исторической период¹.

Отсюда следует вывод о том, что общественные настроения являются эквивалентом этой атмосферы в сознании людей. Так, по мнению Н. Н. Стефанова, настроения прямо и непосредственно представляют собой особое эмоциональное «сопереживание» (совместное переживание) проблем той общности, членами которой являются люди. Специфика общественных настроений состоит в том, что они оказываются одновременно эмоциональным отражением и отношением, существующими в обществе². В таком понимании они как бы навязаны субъекту социально-классовой природой общества и носят практически ролевой характер: субъект должен их испытывать почти в обязательном порядке как член той или иной группы, слоя, организации, общества.

Остановимся подробнее на данной трактовке, поскольку она достаточно распространена в литературе. Ясно, что сходство с взглядами представителей школы «психологии народов» носит достаточно внешней характер. Речь идет о тех формах общественного сознания, которые порождают различные общественно-экономические формации. Согласно анализируемой точке зрения, к этим формам относятся и общественные настроения как определенные социально-нормированные состояния человеческой психики, связанные с природой того или иного общества и как бы предписываемые обществом большинству его членов. Не возражая против самого понятия «общественные настроения» и против их в целом устоявшейся (хотя все-таки уходящей в прошлое) трактовки, выскажем сомнения в другом — в правомерности их включения в предмет социальной психологии.

Социальная психология имеет дело не с близкими общностями и надличностными явлениями, а с психологией конкретных людей — членов тех или иных общностей, так сказать, реальных носителей социальности, взаимодействующих между собой³. При таком подходе, сохранив понятие «общественные настроения» для обозначения названных выше явлений, мы вновь стоим перед задачей нахождения конкретного социально-психологического эквивалента общественных настроений. Таким эквивалентом является переживание человеком — членом некой социальной общности — настроения общественного.

Возвращаясь же к генетическому пониманию социальности как важнейшей характеристики настроений, отметим, что в данном контексте интерес представляет саморазвитие таких настроений. Осознание людьми социальной реальности через осознание существующих общественных отношений проходит сложный длительный путь. Схематично этапы этого пути могут быть представлены следующими звеньями: 1) общественные отношения; 2) обыденная психология в рамках этих отношений; 3) социальные по генезису настроения — продукт обыденной психологии; 4) общественное мнение — осознаваемые настроения; 5) общественное сознание. От реального бытия людей до концептуализированных форм общественного сознания в виде, например, идеологии — таков сложный путь, важной ступенью которого являются настроения. В них аккумулируется то субъективное, эмоциональное и еще неосознаваемое восприятие жизни, которое закладывается обыденной психологией. Настроение — это своего рода «предсознание» группы, класса или общества, предвестник появления их новой идеологии или изменения старой. Переходя на сознательный уровень, настроение приобретает статус общественного мнения, которое носит хотя и осознанный, но еще не концептуализированный и не всегда устойчивый характер. Последовательный, концептуальный и устойчивый характер имеет идеология. Таково место социальных настроений при генетическом способе их рассмотрения¹.

При несколько ином срезе в генетической трактовке социальных настроений выделяются следующие, уже упоминавшиеся выше стадии их становления: 1) «брожение» масс, зарождение пока еще прециальных (индивидуальных, межличностных) настроений; 2) «поворот», осознание интересов, появление более ясного ощущения необходимости перемен в жизни; 3) отчетливый подъем настроений; 4) «отлив», спад, затишье; 5) новый подъем. В этом случае акцент делается на массовом, надличностном, «общественном» характере этого явления. Как же говорилось, именно данная трактовка в известной степени продолжает традиции социологического подхода к человеческой психике. Терминологически это находит свое выражение в понятии «общественная (или "социальная") психика»² и обосновании необходимости появления специальной науки — «общественной психологии»³.

4.3 Содержательная «социальность» настроений

Несколько иное понимание «социальности» настроений возникает в тех случаях, когда речь идет об их *содержании*. С этой точки зрения различаются настроения сугубо социальные и настроения сугубо индивидуальные, вроде бы внешне, напрямую, не связанные с социальными явлениями. Видимо, именно такое содержание и имелось в виду Г. В. Плехановым, когда он писал о том, что всякая «идеология», по сути дела, выражает собой «стремление и настроения данного общества или... данного общественного класса» (Плеханов, 1925).

Главное для анализируемой трактовки состоит в том, что настроения — это психологическая почва для систематизированной идеологии. Поскольку «идеология определяется как система идей и теорий, ценностей и норм, идеалов и директив действия, выражающих интересы, цели и задачи определенного общественного класса, способствующих закреплению или устранению существующих общественных отношений» (Яковлев, 1979), то она и является, тем самым, концептуализированным выражением социальных по содержанию «настроений» общества или класса. В данном случае понятие «настроение» почти совпадает по своему значению с понятием «отношение» к тем или иным социальным явлениям, отличаясь от последнего лишь меньшей осознанностью. В этом контексте настроения легко определить как всего лишь «общее психическое состояние, в котором отражаются условия и особенности общественного бытия, характерные для определенных типов человеческих общностей». Тогда понятно, что «определяющими... факторами социально-психологических настроений всегда являются факторы внешние (в их отношении к составляющим группу индивидам), обусловленные социальными изменениями» (Заргаров, 1969).

Суть таких взглядов — упрощенная трактовка, согласно которой способ производства определяет господствующие в обществе настроения. Однако не все и не всегда объясняется так просто. В частности, известно, что помимо экономического (способ производства), на настроения влияют и политический, и идеологический факторы. В свою очередь, и настроения влияют на них. Тем не менее в рамках данной трактовки настроения рассматривались как особые, не связанные с индивидуальными явлениями, определяемые извне. Это усиливало их нормативно-заданный характер.

Подобная точка зрения была выгодной в социально-практическом отношении. Еще В. И. Ленин был уверен: «...выпуклое выступление партийных группировок согласно с классовым строением общества объясняется только бурным революционным настроением эпохи, когда партии образуются гораздо быстрее и когда классовое самосознание растет и отчеканивается бесконечно быстрее, чем в эпохи застоя или так называемого мирного прогресса» (Ленин, 1967-1984).

На наш взгляд, в приведенной цитате речь идет о том, что идеология производна от «социальных настроений» эпохи. Для этого необходима определенная общность настроений. Она же заключена в содержании, объединяющем социальные по своей природе «объекты» настроений и идеологии. Это хорошо согласуется с положением Б. Д. Парыгина об обязательной предметности социальных настроений, отличающей их, например, от ощущений, эмоций и чувств¹. Социальность настроений задается их предметом, а не личностным состоянием субъекта, т. е. социальные явления определяют настроения людей, а не наоборот.

Настроение лишь «находит свое выражение... непосредственно — в виде определенных эмоций, сдвигов сознания». И тогда, разумеется, «...социальные настроения — это эмоциональные состояния, связанные с осуществлением или неосуществимостью, с разными фазами борьбы за осуществление тех или иных надежд и чаяний, помыслов и замыслов». Как уже отмечалось, это отношение к тем, кто мешает или, напротив, кто

помогает воплощению желаемого. Развивая близкие к этим взгляды, Н. Н. Стефанов выделил специфические социальные функции настроений, к которым отнес ре-лативно-оценочную, контрольно-охранительную, коммуникативную, эвристическую, воспитательную, регулятивную и т. д.¹ Иными словами, настроение — это определенное психическое состояние, имеющее предметную направленность. Похоже, что отличие социальных настроений от индивидуальных в данном контексте как раз и определяется их направленностью, а не персонифицированностью, т. е. обусловленностью предметом, а не субъектом настроения.

Общая типология социальных настроений в таком понимании достаточно очевидна. Она задается основной осью «социальные — внесоциальные». Помимо этой основной оси или внутри нее (в зависимости от природы конкретного общества) существуют варианты позиций: классовые настроения (с их вариантами)—внеклассовые; групповые—внегрупповые; партийные—внепартийные и т. д., имея в виду не содержательное противопоставление, а простую констатацию иного типа предмета настроений, допустим, анархических в случае «внесоциальных» или внеклассовых настроений. Настроения в пользу одного из противоборствующих классов в классовом обществе принципиально являются также классовыми, а не внеклассовыми, поскольку последние не отражают классовых позиций или устремлений. В данном случае имеются в виду настроения, по своему содержанию направленные на общество или на бытие вне общества, на класс или на внеклассовость, на своего рода бесклассовость. Это — разделение по предмету, определяющему содержание настроений.

В данной типологии отводится определенное место субъекту, охваченному как социальными («общественными»), так и сугубо личными (внесоциальными) настроениями. В какой-то мере здесь отдается дань индивидуально-психологической традиции в понимании настроений. Однако при этом социальные настроения не обособляются, и на них лишь отчасти переносится механизм формирования настроений индивидуальных (к такому пониманию близки взгляды Б. Ф. Поршнева).

Итак, можно сказать, что до сих пор бытующие в литературе и генетическая, и предметно-содержательная трактовки «социальности» настроений в той или иной форме выделяют социальные (в основном как «общественные») настроения, придавая им статус самостоятельных. Вместе с тем в литературе прослеживается и определенная неудовлетворенность подобными трактовками, поскольку они не позволяют четко обозначить субъекта таких «социальных («общественных») настроений».

При «общественной» по генезису трактовке настроений их субъектом оказывается общество и общественно-психологические образования (классы, организации, коллективы, личность как система социальных ролей). При предметно-содержательной трактовке настроений их субъектом оказываются конкретные люди, объединяющиеся в некоторые общности под влиянием индивидуальных по природе, но общественно направленных отношений. Такое расхождение в обозначении субъекта можно преодолеть, если выделить еще один аспект в трактовке социальности настроений.

4.3 «Социальность» как свойство субъекта настроений

Еще один вариант понимания слова «социальные» применительно к настроениям обусловлен пониманием самого их субъекта. Определение «социальные» может трактоваться как мера интеграции, «присвоения» субъектом тех общественных настроений, в которые он включен, в которых протекает его жизнь. При «генетической» трактовке социализированный субъект отрывается от своей индивидуальности. При «субъектной» трактовке индивидуальные и социальные начала интегрируются. В первом случае субъект в силу своей социальности оказывается индифферентным носителем общественных настроений. Во втором — в субъекте, в частности в его настроениях, выявляется соотношение индивидуального и социального. Здравый смысл подсказывает, что человек как «интактный» носитель общественных настроений — это всего лишь абстракция, а социальные отношения сосуществуют с межличностными.

При субъектной позиции едва ли можно говорить о конкретно-психологическом проявлении общественных настроений — они срастаются с настроениями индивидуальными. Но точно так же не приходится говорить о чисто индивидуальных настроениях — они, будучи опосредованы общественными настроениями, по сути, тоже срастаются с ними. При этом возникает возможность рассматривать социально-психологические, т. е. реальные массовые настроения как особый феномен, интегрирующий как индивидуальные, так и общественные настроения людей.

Первые отражают переживания человека как «носителя» второго типа настроений. Общество в целом едва ли можно рассматривать как носителя психических состояний. В конце концов, выражение «общественная (или социальная) психика» — не более чем метафора. Слово «настроение» всегда подразумевает людей, живущих в определенном обществе и захваченных этим настроением. Естественно, что общество задает некие нормативы, «эталоны настроений». Но их реальное существование неотделимо от живых людей. Для обозначения, с одной стороны, психологических реалий «общественных настроений», а с другой — социальной, как по генезису, так и по направленности, сути индивидуальных настроений мы вводим понятие «социально-психологические настроения» людей. Именно эти настроения оказываются реальными, массовыми. Если индивидуальные настроения являются по преимуществу предметом рассмотрения общей психологии, а «общественные» — это прежде всего сфера социологических дисциплин, то социально-психологические настроения составляют действительный предмет изучения социальной психологии.

Остановимся подробнее на уже затронутом вопросе об отличии таких массовых социально-психологических настроений от настроений общественных. Практически любое из существовавших до сих пор в истории обществ было заинтересовано в наличии у людей — членов этих обществ — более или менее единообразных «обществен-

ных» настроений, соответствующих нормам и ценностям данного общества. Будучи принадлежностью различных специально организованных обществом «формальных» структур социального поведения, они представляют собой надьиндивидуальные образования. Так, для отдельного человека определенные общественные настроения предписаны социальными ролями, для групп людей — нормами настроений коллектива, организации или общества в целом. Задача этих общественных настроений — влияние на сознание и поведение людей уже в сравнительно менее формализованных социально-психологических общностях. Итогом такого влияния должно быть формирование социально-психологических настроений. Так, социальная роль, влияя на исполняющего ее индивида, формирует личность как некое единство общественного и индивидуального. Коллектив преобразует малую группу. Организация структурирует большую группу, а общественно-политическая система в целом — массу входящих в нее людей.

Влияние на настроения в первую очередь оказывают средства массовой коммуникации, а также иные социально-политические институты убеждения или принуждения, генеральной задачей которых является распространение и укоренение в психике и поведении людей определенных, обычно идеологизированных, нормативных общественных настроений. Для успешного существования и развития, для своего «расширенного воспроизводства» практически любое общество заинтересовано в нормативной — причем обязательно позитивной — однородности настроений членов общества. **Социально-психологическая однородность подчас важнее однородности социальной.** Последняя иной раз является своеобразным следствием первой, результатом опредмечивания однородных массовых настроений.

Анализ позволяет выделить специализированные социальные формы (особые элементы социальной структуры, характерные для разных видов общественной организации), каждая из которых подразумевает поддержание определенных нормативных общественных настроений. Например, в условиях советского социалистического государства цепочка уровней «общественных» настроений, соответствующих разным степеням социально-политического объединения людей, выглядела следующим образом: настроения, задаваемые социальной ролью — задаваемые коллективом — задаваемые организацией¹ — задаваемые обществом в целом. По своей сути эта цепочка выражала формы объединения людей в определенном обществе не только относительно нормативных общественных настроений, но и с точки зрения элементов социальной организации.

Данной цепочке уровней практически соответствовала другая, отражающая социально-психологические формы объединения людей: личность (уровень социальной роли) — малая группа (уровень коллектива) — большая группа (уровень организации) — масса (уровень общества в целом). Исходя из этого, можно говорить уже о социально-психологических настроениях личности (индивид и роли, которые он «играет», т. е. индивидуальные и общественные настроения), малой группы, большой группы и, наконец, о массовых социально-психологических настроениях. Ясно, что все только что перечисленные настроения далеко не всегда являются «общественными» — они бывают и антиобщественными, оппозиционными по отношению к господствующей социально-политической системе. Тем более они не являются простой суммой индивидуальных настроений людей, входящих в перечисленные общности, — тут очевидно качественное приращение, обеспечиваемое особенностями каждой из названных общностей.

Известно, что общественные, в общепринятом понимании, настроения «могут варьировать в диапазоне от совершенно аффективных до таких форм, которые называют умонастроением или даже общественным мнением» (Поршнева, 1966). Ясно, что разная степень выраженности настроений связана с тем, к какой социально-организованной общности относятся испытывавшие их люди. Это вопрос о том, каким «социальным субъектом» — коллективом, организацией, обществом в целом — задаются эти настроения и как они преломляются в психологии людей, «носителей» конкретных настроений. На уровне отдельной личности настроения наиболее осознаны, на уровне массовых настроений (например, толпы) — наиболее эмоциональны. Цепочка социально-психологических явлений «личность — малая группа — большая группа — масса» подразумевает увеличение эмоциональной включенности человека и уменьшение внутреннего контроля со стороны индивидуального сознания. Цепочка общественно-организованных форм «социальная роль — коллектив — организация — общество», напротив, предполагает увеличение степени осознанности и уменьшение непосредственной эмоциональной включенности индивидов. Настроения общества в целом, как правило, осознаются и выражаются четче и быстрее, чем настроение личности. Принципиальный механизм тут понятен: чем большей общностью представлен социальный субъект, чем более он «надличностен» и опосредован общественным сознанием, идеологией, массовыми коммуникациями, всей системой социально-политической «надстройки», тем, соответственно, меньше в нем индивидуального.

При третьей из рассматриваемых трактовках определения «социальные» в проблеме настроений мы также применили деятельностный принцип анализа: социальный субъект, о котором шла речь, — это всегда субъект определенной социальной, прежде всего совместной деятельности людей. Для личности совместность деятельности означает не только ролевую дифференцированность людей в соответствии с местом каждого в этой деятельности, но и частичность производимого ею вклада.

Совместная деятельность осуществляется совокупными усилиями людей, объединенных в малые и большие группы или же в общество в целом. Естественно, что люди, объединенные в эти группы, различаются своими настроениями. Общественно-заданные формы социальной деятельности в большей или меньшей степени нормируют все ее характеристики, в том числе и настроения. Но поскольку на любом уровне субъект деятельности представлен людьми, включенными в межличностные отношения и имеющими индивидуальные качества, то такой субъект обладает двумя рядами признаков — социальными и, особенно, психологическими. Эти признаки интегрированы в сложные социально-психологические образования, одним из которых и являются социально-

психологические настроения.

При разделении настроений по уровням следует учитывать не только масштабы совместной деятельности (количество людей, включенных в социально-психологическую общность и потенциально охваченных тем или иным настроением), но и степень осознанности и, соответственно, эмоциональности настроений на каждом из отмеченных уровней. В принципе, четыре перечисленных выше уровня настроений отражают движение от единичной «социальной деятельности» (отдельная личность) до предельно обобщенной совместной деятельности общества в целом.

Таким образом, **три рассмотренных трактовки проблемы социальности настроений сводятся к подчеркиванию, во-первых, их генезиса, во-вторых, определяющего их содержание объекта и, в-третьих, их субъекта. Акцентирование какой-то одной стороны приводит к игнорированию других.** Комплексный подход имеет в этом отношении известные преимущества. Потому и представляется оправданным при анализе социальных настроений исходить, прежде всего, из их субъекта. Дифференцированное понимание субъекта всей социальной деятельности позволит для каждого вида субъекта рассмотреть объект и, тем самым, социальное содержание его настроений. При необходимости для понимания причин появления тех или иных настроений, уровня их развития в данный момент и возможных перспектив развития, может быть подключен и генетический анализ. Тем самым, предложенная субъектная трактовка позволяет осуществить общие принципы системного рассмотрения социальных явлений.

Три указанные трактовки, несколько различающиеся в понимании «социальности» настроений, не исключают друг друга. Это достаточно условно выделяемые точки зрения, которые отражают разные направления в исследовании сложного явления. Каждое из них имеет свои традиции. За каждым стоят научные разработки, причем первые две трактовки значительно более подробно исследованы в отечественном обществознании. Меньшее внимание уделялось третьей трактовке, учитывающей субъекта настроений. Большая изученность двух первых позиций отчасти объясняется их большей теоретичностью. Третья же позиция требует не только теоретического и концептуального построения, но и конкретно-практического осмысления. Дифференциация субъекта социальной деятельности подразумевает разные уровни настроений, которые необходимо сопоставлять между собой, что едва ли осуществимо без их фиксации. Все это невозможно проделать только в теоретико-методологическом плане.

Итак, с социально-политической точки зрения настроения — это особый феномен, сущность которого состоит в переживании и наделении со стороны субъекта определенным смыслом его принадлежности к социальной системе. Такие настроения определяются степенью идентификации себя с социальной ролью, а в конечном счете - с социальной системой. При такой трактовке настроения неизбежно приобретает социально-политическую окраску.